

Сыромля Н.Н.
Школа раннего развития «Мандаринка»

КОНЦЕПТ «СИМВОЛ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ

В статье анализируется семантическое наполнение концепта «Символ» в поэтических текстах русских символистов.

Ключевые слова: концепт, символ, русский символизм.

Изучению символа, выраженного словом, посвящены многие исследования последних лет (Афанасьева Н.А., Ковтун Т.В., Маслова В.А., Мосенкіс Ю.Л., Слухай-Молотаева Н.В., Шелестюк Е.В. др.). Особый интерес для анализа представляют особенности функционирования традиционных символов (Огонь, Вода, Крест, др.) в произведениях различных литературно-художественных направлений с целью выявления на фоне известной символики новых, авторских значений, обусловленных мировидением представителей того или иного течения, школы в искусстве. Одним из ярких направлений в мировом искусстве стал символизм, выражающий видение мира через Идею символа, объективированного в слове.

Возвращаясь к философским истокам теории соответствий, широко обсуждаемой исследователями символизма (Ермилова 1989, Искржицкая 2000, Минералова 2003, Свенцицкая 2003, 2005), следует сказать о ее соотнесенности с платонической онтологией и учением об эманациях. Согласно этому учению, космос образует вертикальную иерархию слоев бытия, в которых «содержание бытия» уменьшается по мере их удаления от абсолютного первобытия, имеющего космическое происхождение.

По мнению исследователей, именно способность слова связываться с чем-то находящемся вовне его (означиваемой сущностью, с личностью) определяет символическую природу слова, чем обусловлено обращение к этимологии слова «символ» - древнегреческому “simballo” - «соединяю вместе» [6, с. 236].

Остановимся на особенностях понимания символа русскими символистами.

А.Ханзен-Лёве обосновывает своеобразие трактовок символа символистами особенностями символистского миропонимания -

визионерской природой символистской поэзии. Все языковые знаки и тексты, с одной стороны, по мнению исследователя, продолжают репрезентировать «предметный мир», если их использует «непосвященный», с другой стороны, «зрячему», или визионеру, они позволяют узреть «первообраз» их абсолютного эквивалента в первобытии [7, с. 9].

«С таким имагинативным «прозрением» неразделимо связано энергетическое «излучение»: то и другое вместе создают символическую действенность «вещей как знаков» мирового текста» [там же].

Отмечается присутствие сложных знаковых систем и культурных моделей внутри поэтического кода и вне его, которое усложняется стремлением символистов смещать, заново определять и пересекать границы между ними (между искусством и религией, философией и наукой, теорией и практикой и т.д.). Абстрактные названия этих культурных систем, пишет А.Ханзен-Леве, часто предстают в стихах в виде персонифицированных «символов», и тогда, облекаясь в одежды мифологических «героев», они разыгрывают драму «культуркампа», столкновения разнородных семиотических, медиальных и аксиологических кодов, институтов культуры и ее носителей. К таким примерам ученый относит абстрактные понятия, написанные с прописных букв: «Время», «Символ», «Слово» и т.д. или философские концепты «дионисийство», «музыка», «идея» и др.

Наиболее детально изучено теоретическое наследие А.Белого и А.Блока относительно понимания символа поэтами. Приведем некоторые положения из данных исследований.

В работе «Эмблематика смысла» А.Белый отмечает, что символы в форме лексем имеют собственное содержание, т.е. семантику, изменяемую в данном контексте, когда «монотонность на уровне подчеркивания символического содержания» снимается изменением контекста, благодаря чему и возникают новые интерпретации, «прочтения» [6, с. 98-99].

По мнению ученых, трактуя понятие символа, А.Белый исходит из «кантовско-рикертовского разъединения феноменального и ноуменального мира» [там же], символ для него – связь между этими мирами, «порождающая попытку постижения мира ноуменов в поэтическом творчестве» (там же, 96). Говоря о структуре символа, отметим, что для А.Белого в нем соединяются воспринимаемый

сознанием предмет и состояние этого сознания, другими словами слово-символ соединяет в себе образ переживания и образ видимости, причем, образ переживания распадается на собственно душевную деятельность художника в создании символа и ту идею, носителем которой является данный символ; образ видимости представляет собой, во-первых, реальность, воплощаемую в произведении (то, что дано на входе), и материальную данность произведения, то, что уже воплощено (там же, 98-99).

Ханзен-Лёве отмечает, что «людям символа», людям творческим (в смысле религии искусства в модернизме) символическое является в должный момент жизненного пути в виде прозрений и визионерского опыта.

Анализируя высказывания о символе А.Блока, Э.М.Свенцицкая справедливо отмечает, что слово символическое – слово поэта, развертывающееся в конкретном культурном контексте, оно «лично, в нем на жизненную стихию налагается индивидуальный творческий космос, но таким образом, что стихия в нем остается живой и действенной» [6, с. 137]. Таким образом, символ для А.Блока – воссоздание целостности мира, которое при этом не отвлекается от сознания его изначальной раздельности (на мир ноуменов и феноменов).

Обратимся к исследованию наполнения концепта символ в поэтических текстах русских символистов: К.Бальмонта, В.Брюсова, А.Белого, А.Блока.

Анализ позволил выявить следующую семантику одноименного концепта.

В художественной речи К.Бальмонта эксплицируются такие значения: ассоциативная связь с эстетической категорией прекрасного и эмоцией страха: «Даже самая смерть Шелли может быть рассмотрена как прекрасный символ, совпадающий со всей его личностью» [1, с. 534], «Призрак меж людей»; «страшный символ...» [1, с. 63]; связь с миром чувств и эмоций: «Не адский дух, а символ наслажденья» [1, с. 186]; философскими категориями Вечности, бытия: «Но знак твой – страшный символ Вечности – кольцеобразная змея» [1, с. 63], «Жертва – символ бытия» [1, с. 525]; миром божеств: «И символ Вакха, - быстрый, сладострастный, Как бы из стали, меткий леопард» [1, с. 199]; понятием власти: «Символы престолов, временно забытых» [1, с. 118]; жизненной силой: «Между вешних листов – Символ сгибнувших сил – Миллионы крестов,

Миллионы могил» [1, с. 89]. Противопоставление на синтаксическом уровне связывает символ с «адским духом» как антиподом наслаждения [1, с. 186]. В роли актанта при лексеме выступают атрибут ритуала и представитель царства животных: жертва, леопард.

В лирике А.Белого символ – способ выражения внутреннего мира человека, на основании символизации строятся отношения с миром, воспринимаемым как взаимосвязь и взаимодействие всего: А.Белый - «Все лишь символ... Кто ты? Где ты.../ Мир – Россия – Петербург - Солнце – дальние планеты...» [2, с. 163]. А.Белому присуща максимальная степень обобщения в процессе осмысления символа: попытка самоосознания описывается поэтом посредством соотношения пространственно-временных категорий. Нами выявлен только один поэтический микротекст в анализируемом периоде с лексемой «символ», где она выступает в роли именной части простого именного сказуемого. Анализ концепта символ в теоретических трудах А.Белого требует отдельного исследования.

В поэтической речи А.Блока концепт «Символ» эксплицирует семантику предмета собственности поэта: «Символ мой знаком отметить...» [3, с. 364]; счастья: «Символ мой знаком отметить, Счастье мое сохранить...». Значение атрибут литературно-культурного направления представлено только в лирике А.Блока, эксплицировано дериватами: «Курсистка прислала, Рукопись с тучей эпитафий (Из Надсона и символистов)» [3, с. 50], «Критик, громя футуризм, Символизмом шпынял, Заклучив реализмом» [3, с. 51].

Номинативные сочетания по традиционной для данного слова грамматической модели $N_{N1} + N_{N2}$ актуализируют семантику стихийности поведения и чувства страдания: «А над ними – символ своеволя – Перуджийский гриф когтит тельца» [3, с. 119], «Припадут и снимут власяницы – Символ здешних непомерных бед» [3, с. 129]. Анализ взаимодействия лексемы «символ» на синтаксическом уровне с означаемым показывает связь с мифологией и религией, символами выступают птица, ритуальная одежда.

В лирике В.Брюсова выявлены следующие объективации концепта «символ» [4]: эмоционально-чувственный мир человека: «И слезы – не отчаянье! И стон – не символ мщенья!» [4, с. 235], «Символ любви человека Что, с обаяньем своим!» [4, с. 40], «О, как ей не шел пунцовый цвет, символ страстного чувства» [4, с. 108], «И нетленный цветок асфоделей – Вот символ области грез» [4, с. 243];

событие: «Лепесток отцветающей розы – Не символ ласкательной встречи» [4, с. 113]; сила: «Золото, ты символ сладострастной мощи...» [4, с. 216]; христианство: «И молча я смотрю на символы любви, Не подходя к распятью» [4, с. 215]; метаморфоза: «Где же символ возрождения, Детский лепет василька» [4, с. 109]; хранитель сакральной информации: «Но ты не проклинал и, тайны от людей Скрывая в символах, учил их, как детей» [4, с. 195], «Я язык дала их знакам, Их речам бессвязный смысл, Им дала упиться мраком Тайных символов...» [4, с. 416]; мотив антропоморфности реализован посредством сравнительной конструкции, где «символ» выступает объектом сопоставления: «Как хорошо дрожать, молчать, Тревожиться при каждом звуке, И жечь лобзанья, как печать, Печатавать, как символ, руки» [4, с. 266].

Анализ контекстов, в которых встречается концепт «Символ» в поэзии К.Бальмонта, А.Белого, А.Блока и В.Брюсова, позволил выявить общую семантику – мир переживаний поэта, что полностью соответствует высказываниям А.Белого о символе как способе передачи переживания сознания.

Обобщая столь разноплановые понимания символа символистами, мы можем вслед за А.Ханзен-Леве резюмировать символистский «символ-миф» в его основных чертах: каждый символ имеет семиотическое (языковое в широком смысле) и реально-предметное свойства; он одновременно знак чего-то «иного» (метафизического «иного мира») и «самого себя» (как составная часть «космического мира вещей», «слово-вещь»). И наоборот: любая вещь, любая реалья посюстороннего мира и земной жизни – это знак, часть универсального языка по мере представления «мирового текста» космоса. Однако такое имажинативное присутствие не присуще вещам и знакам в виде материальной субстанции, а достигается лишь переживанием (выделено нами – Н.С.), принцип «переживания» пронизывает все теории символа у символистов и тех мыслителей в истории религии, на которых ссылались символисты [6, с. 9].

Таким образом, концепт «Символ» в поэтической речи русских символистов анализируемого периода объективирует следующую семантику: эстетическая категория прекрасного, мир чувств и переживаний, мир божеств, философские категории, понятие власти и силы, мифология, религия.

Литература:

1. Бальмонт К.Д. Стихотворения. Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. В.Орлова. - Л., «Советский писатель», Ленинградское отделение, 1969. - 710 с.
2. Белый А. Сочинения. В 2-х т. Т.1. Поэзия; Проза / Вступ. статья, сост. и подгот. текста В.Пискунова; Комментар. С.Пискуновой, В.Пискунова. - М.: Худож. лит., 1990. - 703 с.
3. Блок А.А. Собрание сочинений. В 8-ми т. Под общ. ред. В.Н.Орлова и др. Т.1. Стихотворения 1897-1904. М.-Л., Гос. изд-во художественной литературы, 1960.
4. Брюсов В.Я. Собрание сочинений в семи томах. Под общ. ред. П.Г.Антокольского и др. Т.1. Стихотворения. Поэмы 1892-1909. - М., «Худож. лит.», 1973. - 672 с.
5. Свенцицкая Э.М. Символическое слово в творчестве А.Блока // Вестник Донецкого университета. Серия Б. Гуманитарные науки - Донецк, 2004. - вып.2. - С.7-14.
6. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / Пер. с нем. М.Ю.Некрасова - СПб., «Академический проект», 2003. - 816 с.

Сиромля Н.М. Концепт «Символ» в поетичному мовленні російських символістів. Стаття присвячено аналізу семантичного наповнення концепту «Символ» в поетичному мовленні російських символістів.

Ключові слова: концепт, символ, російський символизм.

Syromlya N. Concept "Symbol" in the Russian symbolists' poetic discourse. In the article concept "Symbol" is analyzed in the Russian symbolists' discourse.

Key words: concept, symbol, Russian symbolism.